

Калантарян Любовь Алексеевна

ФОРМО- И НОРМОГЕНЕЗ КУЛЬТУРЫ СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СТАВРОПОЛЬЯ

В статье рассмотрен процесс становления культурных форм и норм в среде славянских переселенцев Ставрополя в XVIII-XIX вв. Основное внимание в осмыслении генезиса культурных форм автор концентрирует на понимании культурной формы как акта деятельности и социального взаимодействия, ее перехода в культурные нормы и обретения ими качеств и функций нормативных явлений социальной практики, способных определять культурную идентичность славянских переселенцев Ставрополя. Анализ социокультурной ситуации позволил автору найти инструментарий для выделения культурных форм и обосновать собственную концепцию их генезиса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/7-1/20.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (33): в 2-х ч. Ч. I. С. 90-95. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Илюшин А. М.** Две категории – два подхода в изучении социокультурного комплекса // Интеграция археологических и этнографических исследований. Алматы – Омск, 2004. С. 44-45.
2. **Илюшин А. М.** Динамика средневековой культуры в Кузнецкой котловине (по результатам комплексного исследования погребальных памятников) // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2011. № 4. С. 96-101.
3. **Илюшин А. М.** Опыт исследования культурной динамики поселений в Кузнецкой котловине в эпоху средневековья // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2011. № 34. Вып. 48. С. 6-11.
4. **Илюшин А. М.** Социокультурная динамика на территории Кузнецкой котловины в эпоху средневековья по памятникам археологии // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 2. С. 37-40.
5. **Илюшин А. М.** Этнографо-археологический комплекс как этнологическая категория и принципы его моделирования на примере средневековых древностей Кузнецкой котловины // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2003. С. 50-52.
6. **Илюшин А. М.** Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово, 2005. 240 с.
7. **Илюшин А. М.** Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья (конец V в. – XIV в.): автореф. дисс. ... д.и.н. Алматы, 2003. 46 с.
8. **Илюшин А. М.** Этнокультурное взаимодействие на территории Кузнецкой котловины в развитом средневековье (на примере моделирования и изучения археолого-этнографических комплексов) // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: материалы XV международной западно-сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2010. С. 342-344.

**RESEARCH METHODOLOGY OF SOCIAL-CULTURAL DYNAMICS IN KUZNETSK BASIN
DURING MIDDLE AGES BY ARCHAEOLOGICAL-ETHNOGRAPHIC COMPLEXES**

Ilyushin Andrei Mikhailovich, Doctor in History
Kuzbas State Technical University named after T. F. Gorbachev
Ilushin1963@mail.ru

The author describes the research methodology of social-cultural dynamics by archaeological materials as a result of culturology, archaeology, ethnology and historical information integration, on the basis of previously revealed archaeological and ethnographic complexes of the Middle Ages in Kuznetsk Basin, located at the northern periphery of Sayano-Altai, demonstrates the possibilities of the new methodology, according to the research results creates the diagram of cultural dynamics in four archaeological and ethnographic complexes, which allows visually observing the model of social-cultural dynamics, and through its analysis comes to the conclusions about the various components of this process.

Key words and phrases: cultural dynamics; Kuznetsk Basin; Middle Ages era; archaeological and ethnographic complex.

УДК 398.221

Культурология

В статье рассмотрен процесс становления культурных форм и норм в среде славянских переселенцев Ставрополя в XVIII-XIX вв. Основное внимание в осмыслении генезиса культурных форм автор концентрирует на понимании культурной формы как акта деятельности и социального взаимодействия, ее перехода в культурные нормы и обретения ими качеств и функций нормативных явлений социальной практики, способных определять культурную идентичность славянских переселенцев Ставрополя. Анализ социокультурной ситуации позволил автору найти инструментарий для выделения культурных форм и обосновать собственную концепцию их генезиса.

Ключевые слова и фразы: формогенез; нормогенез; социокультурное взаимодействие; социокультурная адаптация и консолидации; диффузия культурных форм.

Калантарян Любовь Алексеевна, к. пед. н.

Ставропольский государственный педагогический институт
mail@sspi.ru

ФОРМО- И НОРМОГЕНЕЗ КУЛЬТУРЫ СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СТАВРОПОЛЬЯ©

Продолжая изучение культуругенеза славянского населения Ставрополя, обратимся к рассмотрению процесса порождения культурных форм, их интеграции в существующую культурную систему, обретения ими статуса норм и стандартов деятельности и социального взаимодействия.

Под культурной формой понимается «некий целостный и законченный в цикле технологический акт деятельности или социального взаимодействия, имеющий более или менее выраженный новационный характер, а также результат, полученный путем свершения этого акта выражающий некое новое социально значимое

содержание, воплощенное в материальном (предмет, сооружение, обработанная территория), интеллектуальном (знание), эмоциональном (впечатление, чувство), психологическом (мотивация, желание, интерес, потребность), информационном (символ, знак, текст) или структурном (форма организации людей) продукте. При этом и сама технология и полученный с ее помощью продукт являются равноценными составляющим понятия «культурная форма» [5, с. 342].

Тем не менее, культурными формами являются не любые новации, а лишь те которые усваиваются сообществами в качестве образцов идентичности и используются, по выражению А. Я. Флиера, как маркеры их культурной специфики. В отличие от артефакта, культурная норма имеет характер творческой новации и рождается «едино-кратно» [Там же, с. 343]. Не все культурные формы, внедренные в социальную практику, способны к длительному существованию, некоторые из них, и зачастую независимо от уровня новации, обречены на скоротечную жизнь. Те же, которые укоренились в социальной практике за счет своей весомой утилитарной или социальной значимости, становятся важнейшими элементами системы культурной идентичности того или иного сообщества. А. Я. Флиер отмечает в данной связи: «будучи включенной в культурную традицию, культурная форма становится образцом (паттерном) воспроизводимым в последующем во множестве интерпретирующих ее вариаций (артефактов)» [Там же, с. 344].

По мнению ученого в генезисе культурных форм, понимаемом как процесс порождения новаций, их внедрения в культурные системы и трансформации в культурные артефакты и паттерны, выделяются следующие этапы: социальный заказ на новации; условия реализации; отбор и интеграция новаций.

Формирование социального заказа детерминировано изменениями потребностей и интересов людей в разных сферах общественной жизни. В процессе социокультурной адаптации членам сообщества необходимо взаимодействовать в новых геополитических, природных, условиях нового социального или этнического окружения. Существующие культурные формы не могут удовлетворить возникших в обществе потребностей, что и определяет необходимость возникновения новаций, и формирует тем самым социальный заказ на «некие новые смыслы, нормы или стандарты технологий, типы предметов и продуктов деятельности» [Там же, с. 347].

Следующий этап генезиса культурных форм связан с созданием оптимальных условий для практической реализации порожденных новаций «чем более актуальным является новый социальный интерес или потребность, тем большее число индивидуальных заказчиков-артикуляторов независимо друг от друга провозглашают условия нового заказа, и тем большее число исполнителей откликается на этот призыв» [Там же, с. 352].

Одним из основных критериев отбора новых культурных форм может выступать их технологичность (способность привести к искомому результату в оптимальные сроки и наименьшими затратами). К числу других критериев отбора новых культурных форм могут быть причислены: функциональная эффективность; степень аксиологической адекватности; уровень интегративности и др.

На этапе интеграции новаций в существующую культурную систему, их перехода в культурные нормы и стандарты деятельности и социального взаимодействия, новые культурные формы обретают качества и функции нормативных явлений социальной практики, маркеров культурной идентичности, выделяющих культуру того или иного народа из многих других. Обретение культурной формой статуса нормы как социального стандарта и является оптимальным результатом ее интеграции в социальную практику. «Социальными стандартами и нормами становятся по преимуществу те культурные формы, которые оказываются наиболее допустимыми и приемлемыми по своей социальной цене и последствиям их употребления в общественной практике. Любая цель социально приемлема, если она реализуется социально приемлемыми культурными средствами» [Там же, с. 361].

Среди культурных норм выделяются: институциональные, имеющие по преимуществу императивный характер, зафиксированные в юридических, политических, религиозных документах и осуществляемые с помощью властных структур; статистические или этнографические опирающиеся на обычаи и народные традиции и характеризующиеся меньшей степенью отрегулированности; конвенциональные основанные на общественном договоре, по преимуществу разрешительного характера; эталонные или универсальные регламентирующие способы коллективной жизнедеятельности взаимопомощь, гуманизм, коллективная мобилизация и т.д.

Превращение новых культурных форм в нормы и социальные стандарты может быть проанализировано и на основе трансляции социального опыта как процесса: «аккумуляции в культуре сообществ социально значимых знаний и опыта; упорядочивания информации об окружающем мире и социальном опыте коллективной жизнедеятельности людей, что способствует повышению уровня социальной интегрированности и консолидированности, улучшению взаимопонимания и взаимодействия, а также понижению возникающих в социальном контакте напряжений и конфликтов; селекции, отбора и выработки этих знаний и опыта на основе многообразной практики их использования; формирования на базе селектированных образцов систем ценностных ориентаций, критериев оценки явлений и событий по уровням их полезности и значимости для людей, а также социальной приемлемости тех или иных форм деятельности и их результатов по критериям их социальной цены и социальных последствий; закрепления такого рода ценностных (нормативно-стандартизирующих) установок в виде традиций данного общества» [Там же, с. 360]. Если же культурная форма не достаточно интегрировалась в социальную практику, то есть не стала паттерном, маркером культурной идентичности, ее наследование в качестве элемента культурной традиции чрезвычайно затруднено, в этом случае, новация остается несистемным явлением.

Порождение новых культурных форм может осуществляться и путем заимствования (диффузии) из других культурных систем. В процессе интеграции инокультурные черты достаточно быстро стираются, и заимствованная культурная форма становится частью традиции, элементом системы образа жизни и картины мира данного сообщества.

Рассматривая генезис культурных форм в славянской культуре Ставрополя, мы должны отметить, что эта проблема еще не получила достаточного научного осмысления, хотя различные аспекты проблемы славянской колонизации региона Ставрополя в XVIII-XIX веках нашли свое отражение в исторических, этнографических и краеведческих исследованиях И. В. Бентковского, Н. Ф. Блохина, Н. Н. Великой, В. Л. Гаазова, А. В. Гадло, А. Ф. Григорьевой, В. Г. Гниловского, Л. Б. Заседателевой, Е. Маркова, А. Мельникова, Н. А. Охонько, И. Д. Попко, В. А. Потго, Г. Н. Прозрителева, Д. В. Раковича, И. В. Ровинского, Д. Я. Спиркина, Н. И. Стащука, А. И. Твалчрелидзе, Д. С. Ткаченко, Г. А. Ткачева, Ф. Ф. Торнау, С. А. Чекменева и др.

Генезис культурных форм в славянской культуре Ставрополя на этапе социального заказа был детерминирован новыми политическими, экономическими интересами и потребностями, возникшими в обществе того времени, накопившимися социальными противоречиями и напряжениями.

На протяжении XVIII-XIX вв. российское правительство предпринимало ряд мер, направленных на ускорение процессов колонизации региона, будучи заинтересованным не только в его стратегическом укреплении, но и в экономическом, хозяйственном освоении. Процесс проходил двумя путями крепостной и гражданской колонизации. Крепостная колонизация началась в начале XVIII века, хотя первые русские переселенцы появились в регионе практически одновременно с казаками в конце XVI – начале XVII века, о чем свидетельствуют документальные источники.

По мнению многих исследователей, социальный заказ обычно складывается конвенционально, то есть во всем обществе или некоторых его социальных группах, в данном случае он формировался, скорее, институционально. Во-первых, потому, что колонизация Кавказа не представлялась социально значимой идеей для русского общества в целом, а инициатива исходила, скорее, от правительственных кругов, и, во-вторых, первыми переселенцами были крепостные крестьяне, которых сложно представить заказчиками, артикулирующими этот новый социальный запрос.

Порождение новых культурных форм обусловлено изменениями экономических, природных условий существования переселенцев, их взаимодействием с иноэтническим окружением, чрезвычайно сложной политической ситуацией, существовавшим на протяжении многих десятилетий военным положением.

Безусловной новацией, на наш взгляд, является предпринятая правительством земельная реформа, детерминировавшая новые стандарты технологий, новые типы продуктов деятельности и социального взаимодействия, достаточно быстро интегрировавшихся в социальную практику и культурную традицию переселенцев.

В своем статистическом исследовании «Крепостная колонизация в бывшей Кавказской ныне Ставропольской губернии» (1873 г.) И. В. Бентковский указывает на появление «частного землевладения» как на необходимое условие становления и развития процесса крепостной колонизации в регионе: «Крепостное население губернии, как впрочем, и везде в России, обуславливалось частным землевладением лиц, имеющих право владеть крестьянами, какими могло быть только дворянство. Начало такому землевладению на Северном Кавказе положено Петром I, который в 1710 году повелел отвести Карабахскому армянину Сафару Васильеву в Кизлярском урочище близ казачьих городков землю, под шелковичное заведение. На эту землю Сафар получил грамоту 13 марта 1718 года. Таким образом, первым землевладельцем на Северном Кавказе был армянин Сафар Васильев» [1, с. 1].

Как отмечает исследователь, раздача земель на Северном Кавказе в частную собственность «было делом глубоких политических соображений» и имело своей целью любыми средствами закрепить эту территорию за Россией [Там же]. Несмотря на то, что первыми землевладельцами были люди «не русского происхождения», тем не менее, отмечает исследователь, они были преданными России и служили ее интересам. Награда земельными владениями навсегда прикрепляла их к «русскому знамени; а этого лучше и дешевле нельзя было достигнуть как посредством раздачи земель в потомственное владение» [Там же, с. 2]. Высокая функциональность данной новации проявилась в непосредственном удовлетворении сообщества в решении проблем социальной консолидации и адаптации, в новых нормах осуществления коллективной жизнедеятельности, в решении проблем с ландшафтным и историческим окружением.

В качестве результата полученного в процессе воплощения новации появилось новое социально значимое содержание, воплощенное в материальном продукте (преобразовании территории), новом знании и мотивации. К концу столетия в частном землевладении оказалось, и было освоено более 340000 десятин земли.

На этапе отбора и интеграции в культурную систему, новая культурная форма оказалась и наиболее технологичной в плане достижения искомого результата, что обусловило ее превращение в культурную норму, социальный стандарт. Социальная значимость новых норм (как правило, институциональных), интегрированных в социальную практику, отразилась в системе регулирования частного землевладения.

Внедряясь в систему накопления и трансляции социального опыта, нормы частного землевладения оказались вполне приемлемыми с точки зрения социальной консолидации и интеграции общества, формирования системы ценностных ориентаций и «критериев оценки явлений и событий по уровням их полезности и значимости» [5, с. 360].

Несмотря на большие трудности крепостной колонизации (крепостное население губернии не только не возрастало, а напротив, сократилось с 3% в 1835 году до 2% в 1851 году от общего числа жителей), система частного землевладения продолжает развиваться. Порождаемые культурные формы выражают новое социально значимое содержание, отражающееся в технологиях и видах деятельности (организация новых экономических отраслей и производств), в новых формах общественной стратификации (формирование купечества и дворянского сословия).

Новый этап в культуре славянских переселенцев на Ставрополье связан с гражданской колонизацией. Формальное начало, которой исследователи связывают с указом правительства Екатерины II 1782 года «О раздаче земель по Азово-Моздокской линии переселенцам из Центральной России». Как отмечает Н. И. Сташук, основу колонизационного потока составили государственные крестьяне, к которым относились так называемые экономические, дворцовые, однодворцы и т.д. Исследователь приводит статистические данные, из которых следует, что большую часть (74%) переселенцев составляли именно однодворцы [3]. Название «однодворцы» закрепилось за потомками «служилых людей, разорившихся боярских детей, казаков и стрельцов, поселенных на южных окраинах страны в XVI-XVII вв. для защиты от набегов астраханских и крымских татар. За службу по охране границ они наделялись землей. Большинство их жило одним двором, отсюда и название – однодворцы» [4, с. 117].

Процессы гражданской колонизации существенно ускорились и за счет территориальных и административных преобразований. Так, в 1785 году было образовано Кавказское наместничество, в состав которого вошли две области – Астраханская и Кавказская. Исследование документальных источников показало, что основными переселенцами на Ставрополье были государственные крестьяне из Воронежской, Орловской, Курской, Пензенской, Тамбовской, Черниговской, Киевской, Харьковской, Полтавской, Могилевской, Саратовской и других губерний России.

В среде славянских переселенцев интенсифицировались процессы социальной консолидации, адаптации, культурной самоидентификации, накопления социального опыта. Новый социальный заказ, детерминированный усложнившимися условиями жизни, взаимоотношений переселенцев с этническим и социальным окружением, динамикой социальных интересов и потребностей потребовал выработки новых смыслов, стандартов технологий, новых культурных форм и норм.

Выработка культурных новаций в среде славянских переселенцев основывалась на образцах и стандартах жизнеобеспечения и хозяйственной деятельности. Еще Г. Н. Прозрителев, анализируя историческое, хозяйственное и бытовое состояние Ставропольской губернии в конце XVIII – XIX века, отмечал, что: «Хозяйственная жизнь, находится в тесной связи с бытом населения, а потому, говоря о ней, неизбежно приходится останавливаться на тех условиях, при которых приходилось переселенцам создавать свое хозяйство. Эти две стороны жизни взаимно действуют друг на друга, и всякое изменение в одной непременно отражается в другой» [2, с. 5].

Одна из первых волн переселенцев 1784 года была достаточно успешной, и «обстоятельства благоприятствовали на первых порах устройству поселян» [Там же]. Тем не менее, Г. Н. Прозрителев указывает и на скоро выявившиеся неординарные условия жизни казаков и крестьян переселенцев, то есть на отсутствие стандартизации хозяйственной деятельности. В казачьей среде преобладал усвоенный ими военно-промышленный хозяйственно-культурный тип, в среде крестьян – земледельческий.

Новая культурная форма осуществления хозяйственной деятельности санкционировала доминирующее значение земледельческого хозяйственно-культурного типа, и его внедрение в социальную практику в качестве нормы и стандарта по применению технологий и получения результата деятельности и социального взаимодействия членов сообщества.

Другая культурная форма, отразившая новое социально значимое содержание, воплощенное в материальном, психологическом и структурном продукте, нашла свое применение в социальной практике в качестве культурных норм. Речь идет об институциональных и конвенциональных «охраненных» нормах, способных отрегулировать, в том числе и принудительными мерами, способы социального взаимодействия.

Документальные источники свидетельствуют, что одной из основных причин, осложнявших налаживание хозяйственной жизни переселенцев, были постоянные и зачастую жестокие набеги горцев.

Так, для охраны от «хищников» селения окапывались рвом, с заходом солнца ворота, как в крепости, запирались, выставлялась стража, выезд и въезд в поселение запрещался. На полевые работы крестьянин должен был брать с собой ружье и возвращаться назад до захода солнца, ночевать в поле было опасно. Но и эти меры оказывались не всегда достаточными, так как «хищники» нападали не только в поле, но и на сами селения: поджигали дома, убивали, грабили, брали в плен. Большой урон хозяйственной жизни переселенцев наносили соседствующие с ними калмыки, «которые подстерегали выехавших в поле работать и похищали скот. Калмыки не грабили людей и не нападали на жилье, но ловко грабили в пути, по дорогам, запоздалых сельчан, а при случае даже и среди белого дня» [Там же, с. 8].

Все эти обстоятельства, чрезвычайно усложняли и усугубляли ситуацию, не давая возможности вести хозяйственную деятельность. Поселенцы жили «одним днем», не обзаводясь излишними запасами, что, в конечном счете, вело к обнищанию населения, и в отдельные годы доходило до раздачи казенного хлебного пайка крестьянам «во избежание наступления голода».

Институциональные нормы, декларированные правительством, способствовали обеспечению безопасности переселенцев.

Анализируя ситуацию, сложившуюся к концу первой трети XIX века в среде переселенцев, Г. Н. Прозрителев резюмирует: «все, что казалось легким на первых порах, утратило свое значение», изменившиеся климатические условия (засуха, продолжавшаяся в течение нескольких лет), недостаток питьевой воды, ее повсеместное плохое качество, болезни (лихорадка, частые эпидемии чумы и холеры), постоянные грабительские набеги кавказских соседей делали жизнь переселенцев чрезвычайно тяжелой. «В полное расстройство пришла хозяйственная жизнь в некоторых селах поселенцев, – отмечает исследователь, – и многие стали бросать свои места и уходить куда глаза глядят» [Там же, с. 11].

Следует отметить, что и сами переселенцы внесли свою лепту в ухудшение условий для хозяйствования и жизнедеятельности в целом. Стихийная вырубка лесов, в некоторых местах до полного их истребления,

привела к «уничтожению родников, обнажению песков, образованию оврагов и яров», что в свою очередь вызывало засуху и ухудшало условия для посевов [Там же, с. 12]. Сформировалось устойчивое мнение о том, что земледелие в регионе невозможно. Тем не менее, сложившаяся тяжелая ситуация не остановила поток переселенцев, и если в 1816 году насчитывалось около 44-х тысяч крестьян мужского пола, то к началу 40-х годов их численность возросла до 57 тысяч.

Нами уже было отмечено, что культурные новации порождаются не только в недрах самого общества, но и могут быть заимствованы из культуры других сообществ. Основой для диффузии культурных форм в комплекс культурных стандартов, норм и образов идентичности славянских переселенцев служила культура казачества. Которая, как отмечают многие исследователи, несмотря на свое стремление к закрытости и обособленности, была, в достаточной степени маргинальной, а этнический состав казачьих социумов не был однородным. Так, например, в субэтническую группу «терские казаки», помимо волжских, гребенских и донских казаков, входили представители тюркских, северокавказских и других народов, и процесс диффузии культурных форм, как нам представляется, наиболее ярко отразился с начала в казачьей культуре.

Заимствованные культурные формы (обычаи, ритуалы, атрибутика жилища, одежды и др.) в процессе воспроизводства включались в систему образов жизни и картины мира казаков.

С другой стороны, шел процесс активного заимствования культурных форм в казачью культуру из культуры славянских переселенцев, что, как выявилось, впоследствии привело к размыванию черт культурной самобытности казачества, его превращения, по сути, в особую группу русского сельского земледельческого населения.

Изменившиеся к середине XIX века экономические, социальные и культурные условия детерминировали новые культурные формы и нормы, достаточно быстро внедрявшиеся в социальную практику во многих областях жизни переселенцев. Появление новых отраслей хозяйствования обусловило новое социально значимое содержание, воплощенное в материальных, интеллектуальных, информационных продуктах, углубляется и стратификация общества. Разведение скота становится основой хозяйственной деятельности. Что в кратчайшие сроки приводит к общему оживлению экономической ситуации. Г. Н. Прозрителев указывает на то, что, составив основу благосостояния края, скотоводство способствовало созданию таких новых отраслей хозяйства, как «шерстяное дело» [Там же, с. 13].

Следует отметить неудачные и даже курьезные примеры того, когда культурная форма не вырабатывается, основываясь на образцах и стандартах жизнеобеспечения и хозяйственной деятельности, а навязывается в качестве императива. Речь идет о внедрении в структуру хозяйствования переселенцев такой отрасли, как шелководство. В течение 60-ти лет предпринимались попытки регулирования этой сферы деятельности институциональными нормами, но так и не принесли ожидаемых результатов.

Г. Н. Прозрителев иллюстрирует сложившуюся ситуацию, приводя изданное по этому поводу административное положение, требовавшее, «чтобы каждый двор или каждое отдельное семейство ежегодно высаживали по 10 тутовых деревьев а если кто, по нерадению, того не исполнит, то с него положено было взysкивать штраф по 10 коп. за каждое не посаженное дерево. Для поощрения же усердных к этой новой отрасли сельского хозяйства повелено было особо отличившихся награждать медалями, а за выделку шелка выдавать из казны: за 10 фунт. – 10 рублей, за 20 ф. – 25 рублей, а за пуд шелка 50 руб., оставляя при том шелк в пользу хозяев» [Там же, с. 30]. Но почти сразу же обнаружилось, что «крестьяне решительно не умели вести это дело и не имели ни малейшего расположения к этой культуре. Шелест, производимый червями во время кормления, возбуждал в них неприятное чувство, а женщины боялись даже дотронуться до шелко-вичных червей. Некоторые суеверные крестьяне уподобляли их червям ада в загробной жизни» [Там же].

Экономическое развитие региона не было однозначным периода расцвета и благополучия сменялись периодами провала и застоя. Экономическому подъему способствовало открытие трех важнейших путей сообщения – Царицынского, Тифлисского, Черкасского трактов. Но с постройкой Владикавказской железной дороги (Ростов – Владикавказ) экономическая ситуация кардинально меняется, теряет свое значение не только Ставрополь, но вся Ставропольская губерния, оказавшаяся в стороне от торговых центров. Изменяется и удельный вес традиционных отраслей хозяйства переселенцев. Земледелие, уступившее приоритету скотоводства, постепенно вытесняется новой отраслью – садоводством и огородничеством, которые в короткий срок распространяются по всей губернии.

В 70-80-х годах процесс переселения продолжается, но приобретает новые качества. Появляется такой контингент, как временные рабочие, которые постоянно и в большом количестве оседали на новых территориях.

Приходившие на заработки из внутренних областей России крестьяне играли большую роль в развитии не только хозяйственной, но и социокультурной жизни губернии. С одной стороны, от их прихода «зависела своевременная уборка урожая и самый размер запашки», с другой – они «все больше и больше знакомили внутренние губернии с нашим краем и создавали славу Кавказскому —ривольному житью» [Там же, с. 25]. Оседая и закрепляясь на новом месте жительства, они способствовали созданию новой социальной прослойки, так называемого «рабочего элемента». В целом переселение крестьян из внутренних губерний России завершается к середине 90-х годов.

Изменения социальной структуры общества, углубление стратификационных процессов способствовали выработке стандартов и норм социального взаимодействия, детерминировали процесс порождения новых культурных форм.

Таким образом, понимая культуругенез как один из типов исторической и социальной динамики культуры, характеризующийся постоянным порождением новых культурных форм и норм и их интеграцией в существующие культурные системы, культурная форма выступает как некий технологический акт деятельности и

социального взаимодействия, и как результат, выражающий новое социально значимое содержание. Эти положения позволили нам рассматривать генезис культурных форм с точки зрения их социальной значимости и на основе социальных стандартов жизнеобеспечения и хозяйственной деятельности переселенцев. Так, культурные новации санкционировали доминирующее значение земледельческого хозяйственно-культурного типа и его внедрение в социальную практику в качестве нормы и стандарта по применению технологий и получению результата деятельности и социального взаимодействия членов сообщества. Институциональные и конвенциональные «охраняемые» нормы выступали регуляторами социальной жизни общества.

В формо- и нормогенезе культуры переселенцев имела место и диффузия культурных форм казачьей культуры, их интеграция в комплекс культурных стандартов и образов идентичности славянских переселенцев. Параллельно шел обратный процесс активного заимствования культурных форм в казачью культуру из славянской, что привело к размыванию черт культурной самобытности казачества.

Безусловно, процесс порождения культурных новаций проходил и в других сферах жизни переселенцев, но, на наш взгляд, культурные формы и нормы, порожденные в процессе социальной регуляции, социокультурной адаптации, самоидентификации, имеют приоритетное значение как новые социально значимые смыслы, определяющие уровень консолидированности сообщества, превращения локальной культуры в культурную систему.

Список литературы

1. **Бентковский И. В.** Крепостная колонизация в бывшей Кавказской ныне Ставропольской губернии. Ставрополь, б.г. 6 с.
2. **Прозрителев Г. Н.** Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношении. Ставрополь: Тип. «Пролетарий», 1925. Ч. 2. 66 с.
3. **Стащук Н. И.** Заселение Ставрополя в конце XVIII века – первой половине XIX века // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1952. Вып. 4. С. 137-173.
4. **Ткаченко Д. С., Колосовская Т. А.** Военно-политическая история Северного Кавказа XVI-XIX вв.: факты, события, люди. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. 291 с.
5. **Флиер А. Я.** Культурология для культурологов. М.: Академический проект, 2000. 496 с.

FORMO- AND NORMOGENESIS OF THE SLAVIC POPULATION CULTURE IN STAVROPOL' TERRITORY

Kalantaryan Lyubov' Alekseevna, Ph. D. in Pedagogy
Stavropol' State Pedagogical Institute
mail@sspi.ru

The author considers the process of cultural forms and norms formation among the Slavic settlers in Stavropol' territory in the XVIIIth-XIXth centuries, while understanding the genesis of cultural forms pays special attention to the understanding of the cultural form as an act of activity and social interaction, its transition into cultural norms and gaining the qualities and functions of normative phenomena in social practice that can define the cultural identity of the Slavic settlers of Stavropol' territory, and tells that the analysis of social-cultural situation allows revealing cultural forms and substantiating the authorial conception of genesis.

Key words and phrases: formogenesis; normogenesis; social-cultural interaction; social-cultural adaptation and consolidation; diffusion of cultural forms.

УДК 94(47)084.3

Исторические науки и археология

Статья посвящена рассмотрению системы становления и организации исправительных трудовых лагерей в Поволжье в годы гражданской войны. Как показало исследование, в условиях отсутствия экономических стимулов к труду лагеря выполняли важную функцию по снабжению предприятий региона дешёвой рабочей силой, что позволяет переосмыслить природу советского государства в области труда. Особое внимание уделяется вопросам функционирования лагерей, социальному составу заключённых и проступкам, приведшим к заключению.

Ключевые слова и фразы: лагеря принудительных работ; Поволжье; заключённые; гражданская война; забастовки; антисоветские волнения.

Камардин Игорь Николаевич, к.и.н., доцент
Кузнецкий институт информационных и управленческих технологий (филиал)
Пензенского государственного университета
sehd@mail.ru

ЛАГЕРЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ В ПОВОЛЖЬЕ В ГОДЫ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА©

Для современного человека слово «концлагерь» ассоциируется со сталинскими и гитлеровскими репрессиями. Но, как показывают документы, в мировой практике первые концлагеря появились еще во второй